

О.А. Туфанова

ПРИТЧИ ВО «ВРЕМЕННОМ» ИВАНА ТИМОФЕЕВА: ТИПОЛОГИЯ И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СПЕЦИФИКА

Аннотация: Цель статьи состоит в выявлении специфики жанровой формы притчи во «Временнике» Ивана Тимофеева. Среди полнотекстовых «притч-нарративов» в памятнике можно выделить притчи-повести, притчу-размышление, притчу-инструкцию. Притчи-повести («Притча о царе сыне Римском...») и две притчи о вдовстве Московского государства) отличаются развитым сюжетом и представляют собой жизненные примеры, рассказанные в целях назидания и разъяснения авторского отношения к историческим событиям и лицам. Все притчи имеют двухчастную структуру. Первая часть сюжетная, вторая представляет собой толкование. Прием абстрагирования проявляется в отсутствии у многих действующих лиц портрета, характера, в отсутствии исторических и географических реалий. Вместе с тем дидактизм мастерски сочетается с занимательностью. Например, в «Притче о царе сыне Римском...» занимательность сюжету придает элемент чудесного, содержатся нетипичные для «классической» жанровой формы элементы: различного рода мотивировки поступков действующих лиц, а также условный портрет. Вторая часть в притчах-повестях представляет собой толкование, которое не содержит подробного раскрытия аллегории, и молитву к Господу, возвращающую к событиям Смуты. Промежуточное положение между «притчами-нарративами» и «притчами-сентенциями» занимает притча о двух друзьях. Представляя собой по содержанию пример из жизни, по форме она близка к апофегмам. Толкование сюжетной ситуации не выделено в притче-размышлении в отдельную часть, оно органично вплетается в сюжет, рисуя в потенции вероятный сценарий развития событий. Сюжетная часть притчи о простых естественных делах напоминает инструкцию, как должен поступать человек, желающий совершить путешествие в какой-нибудь город или в другую страну. Лаконичное толкование свидетельствует о том, что притча-инструкция о совершении пути приложения, по мысли Тимофеева, и к творческому процессу написания исторического сочинения. В целом, притчи, рассыпанные во многих фрагментах памятника, приведенные полностью или лишь указанные, являются своеобразными спутниками, помогающими не только создать обширное историческое произведение, но и осмыслить необычные события Смуты.

Ключевые слова: жанровая форма, «Временник» И. Тимофеева, притчи-повести, притча-размышление, притча-инструкция, сюжет, толкование.

Olga A. Tufanova

THE PARABLES IN IVAN TIMOFEEV'S *TEMPORARY*: TYPOLOGY AND ARTISTIC SPECIFIC

Abstract: The purpose of the article is to identify the specifics of the parable's genre form in the *Temporary* by Ivan Timofeev. Among the full-text "parables-narrations" in the text we can distinguish parables-stories, parables-reflections, parables-instructions. The parables-stories (*The Parable of the Tsar's Roman Son ...* and two parables about the widowhood of the Muscovy) are distinguished by a developed plot and represent vital examples told in order to edify and clarify the author's attitude to historical events and persons. All parables have a two-part structure. The first part is a plot, the second is an interpretation. The technique of abstraction is appeared in the absence of a portrait and nature in many of the characters and in the absence of the historical and geographical realities. At the same time, didacticism is skillfully combined with amusement. For example, in *The Parable of the Tsar's Roman Son...* the plot is entertaining with an element of the miraculous, there are elements atypical for the "classical" genre form: various kinds of the motivation for the characters' actions, as well as a conventional portrait. The second part in the parables-stories is an interpretation that doesn't contain a detailed disclosure of the allegory, and a prayer to the Lord, returning to the events of the Time of Troubles. An intermediate position between "parables-narrations" and "parables-maxims" is occupied by the parable of two friends. Being an example from life in content, it is close in form to apothegms. The interpretation of the plot situation is not singled out in a parable-reflection in a separate part, it is organically woven into the plot, drawing in the potential possibility of the events development. The plot of the parable about simple natural affairs reminds the instruction of how a person should act when he wants to travel to some city or another country. A laconic interpretation testifies to the fact that the parable-instruction about the completion of the path is applicable, according to Timofeev, to the creative process of writing a historical essay. In general, the parables scattered in many fragments of the text, given in full or only indicated, are a kind of companions that help not only create an extensive historical work, but also comprehend the unusual events of the Time of Troubles.

Keywords: genre form, Ivan Timofeev's *Temporary*, parables-stories, parable-reflection, parable-instruction, plot, interpretation.

Притча — один из древнейших жанров в русской литературе, восходящий к текстам Ветхого Завета и Евангелия. Согласно исследованию Е.К. Ромодановской, древнерусская рукописная традиция «свидетельствует о массовом распространении сюжетной притчи

и притчеобразных форм повествования начиная по крайней мере с XII в. ...» [11, с. 810]. «Ее становление, — делает вывод исследователь, — как самостоятельного жанра — в разных его модификациях — на русской почве происходит в течение XVI в.» [11, с. 818], прежде всего в творчестве Максима Грека, Ивана Пересветова, Ермолая-Еразма. Благодаря исследованиям С. Добротворского [5], Д.С. Лихачева [9], В.В. Кускова [8], Н.И. Прокофьева [10], Л.И. Алехиной [6], В.В. Колесова [7] сегодня науке известны многие жанровые разновидности притчи, бытовавшие в древнерусской литературе. Так, в книге «Древнерусская притча» (1991) Н.И. Прокофьев и Л.И. Алехина все публикуемые тексты разделили на несколько групп: 1) евангельские притчи, 2) притчи-басни, 3) «назидательные, нравоучительные слова, повести, новеллы» [6, с. 421], 4) притчи-пословицы, 5) притчи-загадки (см. подробнее: [6, с. 420–421]). Е.К. Ромодановская, исследовавшая специфику жанра притчи в древнерусской литературе, справедливо отмечала «внутреннюю противоречивость термина, под которым объединяются памятники, разнесенные в наше время по разным жанрам» [13, с. 74]. И, вслед за В.Н. Топоровым и В.В. Колесовым, рассматривала «вопрос о взаимоотношениях «притчи-сентенции» и «притчи-наррации» [13, с. 83].

В XVII столетии многие жанры претерпевают серьезную трансформацию, начинают использоваться «в непривычных условиях» [6, с. 421] и, добавим, в непривычных контекстах. Одним из таких ярких примеров являются притчи в составе «Временника» дьяка Ивана Тимофеева.

«Временник», дошедший до нас в единственной рукописи XVII в., найденной П.М. Строевым, «состоит из вступления, пяти глав и завершающей части, которую, вслед за редактором, ее озаглавившим, принято называть “Летописцем вкратце”» [4, с. 357]. О.А. Державина справедливо писала о том, что «Тимофеев, создавая свое произведение, не ограничивался деловым изложением фактов и своих мыслей, а старался облечь их в художественную форму» [4, с. 407]. Не случайно одной из любимых жанровых форм во «Временнике» становятся притчи, встречающиеся в разных главах по различным поводам.

Часть из них представляет собой полноценные тексты в составе памятника. Другие только упомянуты, очевидно, в силу хорошей известности во время написания «Временника». Например, в третьей

главе, в разделе «О Борисе же царе», пространное авторское рассуждение о том, что именно молчание, покорность и слабость тех, кто стоял у власти, стали причиной возвышения худших из низших и их злодеяний, завершается лаконичным обращением к евангельской притче: «К сим же си и господство безглавное со времени прижизна, но убо до дне десподска востания, по притчи, егда дому владыко, пришед, восхождет испытне стязатися с рабы о словеси приставления домовна» [3, с. 77]. Аналогичная лапидарная апелляция к притче содержится в главе четвертой о царствовании Лжедмитрия I. Оценивая «несвершенный урок жития» Гришки Отрепьева, Тимофеев пишет: «С присными си, причастными всех дел его, поживе мертвою жизнью, по богатаго притчи, на всяк день веселяшеса красно, нещуща живот си продолжитися» [3, с. 89].

Среди полнотекстовых «притч-нарративов», встречающихся во «Временнике» Ивана Тимофеева, можно выделить следующие разновидности: притчи-повести, притча-размышление, притча-инструкция. Кроме того, в памятнике встречаются притчи-сентенции.

Притчи-повести

Притчи-повести отличаются во «Временнике» развитым сюжетом, «подчинением заранее определенному выводу» [6, с. 421] и представляют собой жизненные примеры, рассказанные в целях назидания и разъяснения авторского отношения к историческим событиям и лицам. Таковых в памятнике три: в главе четвертой, посвященной царствованию Лжедмитрия I, читается «Притча о царе сыне Римском...», а в завершающей части — две притчи о вдовстве Московского государства.

«Притча о царе сыне Римском...» имеет двухчастную структуру.

Первая часть — сюжетная. В ней рассказывается о сыне царя, который «в болезнь впад» [3, с. 98]: тело его окаменело, и «токмо язык покаяния ради оставлен бысть ему» [3, с. 99]. Желая избавиться от болезни, юноша принимает иночество — и выздоравливает. Однако, «не терпяще скорбных еже со иноки пребывания <...> и желая первая своя славы доброты <...>, еже царскому величеству достойная» [3, с. 99], он, пренебрегая иночеством, начинает часто приходить в

дом своего отца. Многие приближенные царя порицали его за это, но юноша, не терпя обличений, «мнишеская одеяния с себе вся сверже, паки в мирская облечеса», продолжал приходить к отцу-царю, чтобы «насыщаться благих» [3, с. 99]. Советники царя и народ еще более стали его порицать. И не в силах вынести стыда и насмешек сын царя бежит из отечества в другую страну к «некому велможи», скрывает от него и свое благородное происхождение, и иноческий обет; приняв вид раба, нанимается на работу и довольно быстро становится управителем всего имения. Вскоре вельможа умирает, и вдова выходит замуж за отрока. По обычаю той страны новобрачные «по совокупле-нии» идут вместе в баню. «Но зде страх, зде трепет! Дивно чудо содеяся тогда, внегда отрок вниде в баню...»: внезапно сын царя «возопи нелепым гласом» [3, с. 99–100]. Поведав все свои преступления, ибо «силе божию язык его движущу» [3, с. 100], отрок умер. Сбежавшиеся на крик люди увидели его сидящим без головы, а через некоторое время и все тело его сделалось невидимым. «И глас всем слышеса: сей мирское имя покры чернечеством, а чернечество женитьбою» [3, с. 100]. На этом сюжетная часть притчи завершается.

Как и во многих «классических», по определению Л.И. Алехиной, притчах, главным героем здесь является человек. Все герои определены по своему социальному положению (царь, сын царя, синклит, вельможа, жена господина), и все безымянны. Прием абстрагирования как «главная черта стиля притчи» [13, с. 101] проявляется и в отсутствии у многих действующих лиц портрета, характера, из текста остается неясным, в какую страну отправился из римского города отрок.

Однако в притче содержатся нетипичные для «классической» жанровой формы элементы. Прежде всего, различного рода мотивировки поступков действующих лиц. Это уже упомянутая выше слабость духа отрока, который, вспоминая великолепие прежней славы, пиры, богатые царские палаты, не вынес тягот иноческой жизни и снял с себя монашеские одежды. Позже, не перенес публичных обличений, он удалился в другую страну. Вельможа, «зря его в доброте суща, за красоту лица и ради величества тела» [3, с. 99], поручает ему управление всем своим хозяйством; видимо, по этой же причине вдова господина решает выйти за царского сына замуж. В этой характеристике содержатся и элементы портрета, довольно условного, но все-таки портрета.

Н.И. Прокофьев писал, что в притче «нет таинственности, нет ничего чудесного, она проста, а назидательность ее определена» [6, с. 16]. В «Притче о царе сыне Римском...» занимательность сюжета, вопреки традиции, придает элемент чудесного в эпизоде, рассказывающем о том, что произошло в бане. «Дивно чюдо содеяся» по воле Божьей. С этого момента притча начинает обретать черты назидательности. В финале сюжетной части Тимофеев пишет: «...все тело его предо всех очима невидимо, яко от огня воск, без вести бысть, прообразуя онамо безконечную муку» [3, с. 100].

Вторая часть притчи содержит толкование. Но, в отличие от «классических» притч, в которых действует «параболический способ “перевода” сюжета в новое качество» [13, с. 100], толкование в «Притче о царе сыне Римском...» не содержит «детального раскрытия аллегории, каждого ее образа» [13, с. 100]. Оно лаконично: «Се бо нам всем образ бысть: воспрянем убо мы, иже в нечаянии лежашии, не сохраняшии своего обещания, да не когда постигнет и нас прежде будущего суда zde смерть люта и лютый ответ, неже тамо» [3, с. 100]. А далее, вместо толкования, Тимофеев приводит молитву к Господу: «Но, о владыко всяческих, и долготерпя, не пролей на нас, согрешших ти, праведнаго своего прещения вскоре, но, презря наша вся согрешения, дай время исправлению ими же сам веси своими судьбами! Вемы бо, во-истинну вемы, яко можеша вся спасти, аще хочеша, ибо согрешихом, но от тебя не отступихом, тварь бо есмя, и веруем в тя, могущаго ны спасти. Аминь» [3, с. 100]. Толкованию в этой части подвергается только финал притчи, когда отрок по Божьей воле открывает свои прегрешения и умирает. А главная мысль содержится в молитвенном обращении — в просьбе дать «нам», т. е. народу Московского государства, время на исправление и искупление прегрешений.

Почему Иван Тимофеев, склонный к пространному философским рассуждениям, отказывается здесь от детального толкования притчи? С какой целью он вводит ее в историческое повествование о Смуте?

Очевидно, что для Тимофеева притча не самоценна, и потому во «Временнике» отсутствует пространное толкование сюжета. Его интересует не столько судьба царского сына, наказанного за прегрешения, сколько определенный тип людей, которые на протяжении недолгой жизни способны многократно менять свое социальное по-

ложение, идя на преступления во имя удовлетворения эгоистичных желаний и «красоты привременных славы» [3, с. 99].

Не случайно судьбы сына царя из притчи и Лжедмитрия I удивительно схожи. Они оба покрыли мирские имена иночеством. Оба, хотя и по разным причинам, покинули свое отечество (Гришка Отрепьев — на время, отрок из притчи — навсегда). Оба скрыли свое истинное происхождение и иноческий обет. Оба жили под чужими именами: Гришка Отрепьев «преславным именем во образе царска сына вменився, Дмитрия Ивановича всеа Русии, предипомянутаго великаго победителя во царех всынотворився ему, чюжа ему бывша по всему, разве рабства число в прочих срабных ему песочнаго умножения бе он» [3, с. 83]; отрок из притчи, наоборот, «благородие свое <...> сокрывает, в рабий бо образ преложся, яко един от сирот» [3, с. 99]. И все это оба делают «самоизволне», из желания насладиться благами мира сего. Оба в дальнейшем покрывают иночество женитьбой. Оба «несвершенный урок жития своего и прекрашенный грехолюбно поживе, всеблудно же, и беззаконно по всему...» [3, с. 89]. Наконец, оба не избежали Божьего наказания.

В этом смысле сюжетная часть притчи служит своеобразным аллегорическим резюме к истории Гришки Отрепьева, и в то же время она «логически и конструктивно направлена на то, чтобы создать концентрированную иллюстративность для выражения нравственной идеи» [6, с. 6], заключенной в завершающей толкование притчи молитве. Текст притчи не проясняет полностью идею необходимости покаяния в грехах и мольбу о прощении, поскольку, хоть и вынужденный Божьей силой, отрок покаялся перед тем, как умер. Эта часть толкования напрямую связана с финальной частью главы о Лжедмитрии I, в которой Тимофеев рассуждает о возможных причинах разлития греха в Московском государстве.

Твердо убежденный в том, что все согрешили («согрешиша бо от главы и до ноги, от величайших и до малых, сиречь от святитель и царя, инок же и святых» [3, с. 92]), автор «Временника» приводит пространный перечень пороков, истоки которых коренятся в потере страха Божьего: это и «бессловесное» молчание, и дерзость клятв-вопребствления, и безумная гордость, и жажда наград, и безмерное употребление вина, и обжорство, и блуд, и т. д. «...каждо бо злоба мати есть второй, указание бо второму первый о благих и злых» [3,

с. 95], — уверен Иван Тимофеев. Борис Годунов, искоренивший, по мнению Тимофеева, царский род, «второму» (Лжедмитрию I) «учитель бысть, и вторый третьему, и вси, яже по сих безъименнии скоти неже цари...» [3, с. 95].

Таким образом, «Притча о царе сыне Римском...» играет важную роль в художественном замысле «Временника»: с одной стороны, она подводит итог разным темам и сюжетам, поднятым в IV главе, посвященной царствованию Лжедмитрия I, с другой — «органически вливающаяся», а не «механически присоединенная» [4, с. 364], как полагала О.А. Державина, она позволяет понять авторскую оценку личности Отрепьева и его взгляд на современные исторические события. И одновременно эта притча проясняет художественное кредо автора, который не только описывает реальные исторические события Смуты и лица, но и через многочисленные отступления и рассуждения, а также притчи поднимается «до широких житейских обобщений» [6, с. 16], ставя вопросы нравственности в историческом процессе на первое место.

Похожую роль играют две притчи о вдовстве Московского государства в завершающей части «Временника». Им предшествует в памятнике небольшое вступление, разъясняющее аллегорию. До избрания царем Михаила Федоровича Романова и до возвращения из плена его отца, ставшего впоследствии патриархом, Филарета Никитича, пишет И. Тимофеев, земля наша может уподобиться «вдове нецей, иже по муже остаема», которой «своеземные рабы разорительно обладаема» [3, с. 155]. Об этом он и предложил две притчи.

Наиболее разработана из них первая, в которой Московское государство изображено в виде несчастной вдовы, оказавшейся после смерти мужа во власти «злорабов»¹. Тимофеев создает яркие образы страдающей, одинокой, незащитной женщины, разоряемого в отсутствие господина дома и осмелевших «злорабов».

Мотив одиночества вводится уже в самом начале притчи: «Егда вдова некая уединена, без чад отъинудь, по мужи остае...» [3, с. 155] — и далее развивается на протяжении всего текста. Он находит

¹ О.А. Державина отмечала, что образ, использованный И. Тимофеевым в этой притче, восходит к творчеству Максима Грека, изображавшего «Русское государство в виде “жены, сидящей при дороге”, одетой в траурные одежды и страдающей от обступивших ее со всех сторон врагов». См.: [4, с. 365].

выражение в эпитетах «уединенна», «сира» («егда они госпожу оставшу мужа сира узрят» [3, с. 155]), в рассказе о том, что после смерти мужа вдова не имеет ни добрых помощников, ни заступников от «обиду ей деющих» [3, с. 155], ни верных рабов в услужении. Ее презирают друзья, соседи, знакомые, в скором времени и бывшие друзья мужа забывают ее добро. Рабы становятся непослушными, отвергают приказание госпожи, прекословят, и «во очию ея нелепья они своя глаголы, яко камение, метают пред лице тоя» [3, с. 156].

Одиночество женщины усугубляет и отсутствие наследника. Коротко упомянув об этом в начале притчи («без чад отъинудъ» [3, с. 155]), Тимофеев далее разворачивает эту мысль в целую картинку: «И аще овдовевшая имела б не точию воздоеное, елма и младя роженое, ли поне во утробе ей остало бы зачатое, и егда же то усыреное времени своими произшед от чрева, иже мужеск пол, аще бы тогда чаянием о нем возраста его мати его благопожданне бы того ожидала надеянием: егда устратится в державе владычески, тогда того поносившей еговым возрастом вся бывшая забвилися быша печали; аще ли ни, то уже от сицева их первоглагольного корене дозде прозябание бысть и прочее тому преста» [3, с. 157].

Одна защита у бедной вдовы — коленопреклоненная молитва к Богу «з главоударении в частых въздыханиих» [3, с. 157] да «теплые» слезы Богоматери. Но, говоря о такой защите, Тимофеев осознанно подчеркивает сиротство и беззащитность вдовы.

Еще более ярко автор «Временника» изображает «злотворных» рабов, которые, видя свою госпожу «безплодну и безсродну и беспромыслену всяко» [3, с. 155], начинают вести себя своевольно: ложатся рано, встают поздно, спят по полдня, крадут и присваивают и «своя руки господскими добротами всяко наполняющеса» [3, с. 156], объедаются и упиваются, ежедневно устраивают многолюдные пиршества, украшаются одеждами, заводят крамолы и открывают врата для «пролазу волком и прочим зверем внутрь» [3, с. 156], приводя такими действиями к полному разорению дом.

В этой сюжетной части сохранены все основные стилистические черты «классической» притчи: главным героем является «вдова некая», социальное положение которой определено в традициях жанра («госпожа»), и это позволяет видеть в образе женщины «не конкретное лицо, а вообще человека, облеченного большей или меньшей зем-

ной властью и земными обязанностями» [13, с. 101]; столь же условны образы непослушных рабов. Герои не имеют имен, основное внимание в притче сосредоточено не на «характерах», а на положении и поведении персонажей с доминированием одной-двух главных черт: одиночества, беззащитности вдовы и непослушания, дерзости рабов.

Притчу завершает толкование, которое, как и в «Притче о царе сыне Римском...», имеет двухчастную структуру. Первая часть представляет собой раскрытие аллегорических образов притчи: «И яко же zde о овдовевшей госпожи вписашася с рабы и прочими вышереченная яко притчею словеса, — не сице ли, по образу овдовевшая, и наша земля сиротство бе? К ней же не таково ли рабское непослушание з досаженьми о всем и их же со языки о тоя разорении вкупное сложение к запустению, еже убо во очию всех нас и сотворися, и бысть, и еще доднесь бывает, якоже бо огонь еще не купно всюду погасе, но инамо убо угасая, инде же разгараяся восплаем?» [3, с. 159]. Вторая часть содержит призыв к искреннему покаянию. Только слезы из глубины сердца, пост и частая молитва способны умолишь владыку погасить «вещественный» огонь и устроить Русскую землю.

Вторая притча о вдовстве Московского государства, по сути, продолжает первую. Не имея самостоятельного сюжета, она строится на приеме контраста благополучия дома при жизни господина и разорения и запустения земли после его смерти и служит своеобразным резюме по отношению к тексту первой притчи о вдовстве Московского государства. Если в первой притче о вдовстве Тимофеев подробно рассказывает о положении вдовы и поведении «злорабов», то во второй притче он лаконично, уже без бытовых зарисовок, перечисляет беды, постигшие жену покойного господина и дом, с той лишь разницей, что здесь появляется новый образ — рабов «истинных», которые не удовлетворяются «плачем единех уставных дней» о почившем, но «незабытен к плачу плачь» прилагают [3, с. 159] и которые противопоставляются, хотя и не прямо, «непослушным» и досаждающим рабам:

И потом зрится ими же вдовство того супружнныя безглавное, плачевное же и беспомощное, и облачение в ризы черныя ей же, презрение о всем мужедружнее, безгосподство рабское, истощение сокровищ, добротное стяжанием развлечение от нестроения и запустения до-

мовного и достоянием его, к госпожи непослушание з досажденьми рабское, их же сложение со враги его совещанием на зло о нем, домочадным обида от всех последняя, и всем о всех житие неутешное бысть, иже нерадение рабов отнюдь всяко беспоболненное даже и до небрежения о вере, и в конец земленое разорением запустение, и прочая вся [3, с. 159].

Завершает притчу толкование, которое возвращает к вступлению, предваряющему тексты двух притч. И если во вступлении Тимофеев объясняет аллегорический образ вдовы, под которой подразумевает Русская земля, то в толковании ко второй притче он пишет, что «дом плача» в миниатюре представляет беды «Велероссийскаго царства»: «И его же бо дому радость сугуба бысть, того и печаль и пре многа; и колико нами сокрушение его зрится, толико о нем болезнми сердце наше язвится. Сего ради в начале дом плача к царствию самого указанию zde о нем с сущими сположися, не оплачет бо ся, ниже обрыдает и многими леты таковое» [3, с. 160].

Таким образом, притчи-повести в составе «Временника» И. Тимофеева имеют развитый в границах жанровой формы сюжет (по крайней мере в «Притче о цареve сыне Римском...» и в первой притче о вдовстве Московского государства), отличительными чертами которого являются «его заданность, подчинение обязательному, заранее определенному выводу» [12, с. 72], связанному с желанием автора прояснить отношение к какому-либо историческому лицу или событию, к эпохе в целом, поставить вопросы религиозно-нравственного поведения. Абстрагирование, как отличительная стилистическая черта жанра, выражается в них «в почти полном отсутствии исторических, географических, социальных реалий, монологов и портретов героев» [12, с. 72]. Вместе с тем дидактизм мастерски сочетается с занимательностью, а иносказание является «способом смыслового сгущения мысли» [7, с. 9], благодаря которому конкретные события Смутного времени, вызвавшие к жизни ту или иную притчу, начинают представлять во «Временнике» как обобщение, «становятся формулой, годной при оценке подобных событий в будущем» [7, с. 9]. А сами притчи-повести превращаются в историческом повествовании, созданном с целью запечатлеть «богоназания днешняя» [3, с. 115], в средство осмысления и обобщения событий Смутного времени.

Очевидно, что во «Временнике» наблюдается возврат к древнейшему пониманию термина «притча», которым называли и «сам рассказ-наравоучение, и формулу-резюме к ней» [7, с. 9]. Не случайно в тексты притч-повестей включаются рифмованные изречения, в которых выделяются «наиболее важные, ключевые слова высказывания» [7, с. 16]: «...сей мирское имя покры чернечеством, а чернечество женьитьбою» [3, с. 100], «...и колико нами сокрушение его зрится, толико о нем болезными серце наше язвится...» [3, с. 160].

В состав сюжетных притчевых рассказов и толкований включаются и притчи-сентенции, каковых в целом немало на страницах «Временника». По форме они близки к этикетным древнерусским афоризмам, а по функции — к притчам-повестям. В качестве примера приведем лишь некоторые.

Притчи-сентенции

О разуме

С. 12: «яко и средоумным се мощи бы разумети, еже не яти веры врагом своим во веки»

С. 70: «неведение бо злее согрешения, рекоша мудрии»

О страсти к чужому

С. 14: «иже кто чюжих желает, помале восплачет и своих лишаем»

С. 14: «еже не своя усвояти, яве зло бывает»

О нравах

С. 22: «прóсите и не приемлете, зане зле прóсите»

С. 27: «аще кто о первом не возбранен, ко второму без боязни зрит»

С. 66: «помыслиша советы, их же не возмогоша составити»

С. 35: «также убо и быти может то, яко единого добродетель не может спокрыти всех человек прегрешение и “никто же красится чюжими делы”, рече писание, но их же суть трудове, тех и дарове; честь и венцы победивших суть»

О власти и стремлении к ней

С. 26: «И елико убо кто тщится на высоту суетных славы взыти, толико большие падения подымет; вси бо к небесней высоте зрети можем, не достигаем же ю...»

С. 89: «“якоже многоценныя усерязи у свиний в ноздрех”, тако в недостойных чины»

С. 89: «яков дающий, тацы и приемлющи»

С. 72: «неведый речения пророческа о таковых: “аще вознесешися, глаголет, яко и орел и сотвориши си гнездо посреде звезд, и отгуду свергу тя”, глаголет господь»

С. 77: «Горе же пастве, о ней же пастырю дремлющу, и монастырю, неснабдители истощеваему, и кораблю, ненаученными окормляему, граду же, мытоимцы злотворне строиму!»

О времени

С. 26: «время сокровенно вся ко свету приводит»

О царстве

С. 12: «всяко царство, раздельшееся на ся, не может стояти»

С. 33: «“дах вам”, рече бог, “царя во гневе моем и отгях в ярости моей”»

Об общих законах жизни

С. 64: «может бог и в день смерти воздати человеком противу пути его»

С. 70: «кто кленется церковью, кленется и живущим в ней»

С. 72: «Сице бог гордым, уповающим на ся, противляется и мыслено сих сламляет роги»

С. 74: «да не второе растлится гроб еже дозрети сего достойно бы»

С. 77: «древо зло плод добр не творит»

С. 78: «пес, идеже кость суху обрет, гложет ю, — премудр некто таково рече»

С. 81: «красяше же и раки праведных»

С. 82: «о сем яве и христос во евангелиих показа: “да не увесь шуйца, что сотворит десница”»

С. 84: «По начинанию бо и конец его»

С. 86: «слава тщери цареви внутри»

С. 90: «“память его с шумом погibe”, по реченному»

С. 95: «каждо бо злоба мати есть второй, указание бо второму первый о благих и злых»

О людях

С. 27: «создавый око, око не смотрит ли»

С. 56: «горе егда возглаголют о вас человецы добре»

С. 94: «по премудрому словеси: “прещение, рече, сокрушает сердце мудраго, безумен же и биен, не чует ран”»

Притча-размышление и притча-инструкция

Менее разработаны, по замечанию О.А. Державиной, две другие притчи, включенные И. Тимофеевым во «Временник» (см.: [4, с. 365 (примеч. 1)]).

В главе третьей, посвященной Борису Годунову, приводится *притча о двух друзьях*. Ей предшествует рассуждение Тимофеева о написании иконы Бориса без Глеба: «Тех святую двоицу, не разлучивую богом, человекоугодницы иконописаньми на дцках разлучаху единого от другаго; вьщцаго описующе, яко почитаема мняху, паче же сим раздражаема на ня, юннаго же с родным не совокупляюще, яко презираема от сплотнаго спребывания воображением отторгаху» [3, с. 61]. Причина разделения братьев по плоти кроется, согласно автору, в «умалении» веры иконописцев. Такое объяснение Тимофеев находит в приводимой далее притче:

По притчи земных указаний: два друга кто обрет, брата си, ближники царя, и за вкупную искръ себе любовь сообращающемся им друголюбием выну, по случаю же зван будет инем третьим на брак един от двою, не разлучающихся никогда нигде же, — не имат ли незванный от звавшего своего презрения вмнити в бесчестие и о звавшем враждовати гневом? в прочее тому не хочет нарицатися друг, но сопротивне, и время обрет, цареви нань о своем уничижении в молитвах изъявит; негодует же всяко на звавшего и званный брата ради, к брату бывшее оскорбление вмняет свое бесчестие; и яко не убо дружбы дело се, но разделения и самохотныя вражды, и не точию бо братия имут во отмщение ревность сию, но и несроднии друзи же; предире-

ченному же не трапезного предложения недовление друаго к любви удержание, но оскудение усердия в дружбе [3, с. 61].

Собственно сюжетная часть притчи весьма лаконична: один из двух друзей, которые имели согласие между собой по взаимной любви и никогда не разлучались, был приглашен третьим на брак. Дальнейший текст, представленный каскадом риторических вопросов, строится на приеме контраста. Приглашение только одного из друзей может посеять вражду и разделение, ибо и тот, кого не позвали, будет считать для себя «уничижением» подобную ситуацию, и званный на брак неказание чести его брату, другу будет рассматривать как «свое бесчестие». Такое отношение не дело дружбы, ибо сеет разделение и вражду. Склонный искать причины для всего, о чем рассказывает, И. Тимофеев и здесь верен своему принципу: отклонение от любви случается, по его мнению, из-за «оскудения усердия в дружбе» [3, с. 61].

По типу эта притча занимает промежуточное положение между «притчами-наррациями» и «притчами-сентенциями». Представляя собой по содержанию жизненный пример, рассказанный в целях назидания, что характерно для «классических» притч (см. подробнее: [6, с. 420]), по форме она близка к апофегмам. Толкование сюжетной ситуации не выделено в притче-размышлении в отдельную часть, оно органично вплетается в сюжет, рисуя в потенции вероятный сценарий развития событий вследствие испорченных отношений между друзьями.

Завершив притчу, Тимофеев вновь возвращается к вопросу об иконах и нелицеприятно высказывается о тех, кто делает заказы иконописцам. Отказывая им либо в уме, либо в рассудительности, упрекая в равнодушии к добру и злу, наглости, дерзости, Тимофеев считает их повинными в появлении в храмах «странных» икон» и главное внимание сосредоточивает на Борисе Годунове, который превосходит «на всех разумы», все «ведящу и зрящу» [3, с. 62]. Именно в его «славолюбном» желании видеть на иконах только лик Бориса («единого лице годе ему бысть на иконах» [3, с. 62]) автор усматривает причину разделения святых братьев.

В этом контексте притча о двух друзьях приобретает важный смысл: как и «Притча о цареве сыне Римском...», она включается в повествование в целях проповеди высоких религиозно-нравственных идей — проповеди любви и истинного дружества, соблюдения

того, что положено Богом, полного отрицания действий «человекоугодников», сеющих разделение и «самохотную» вражду. Но одновременно притча о двух друзьях служит иносказательным объяснением странных, по мнению И. Тимофеева, в истории иконописи тенденций (писать иконы Бориса без Глеба), которые он объясняет не только умалением веры в иконописцах, но и славолубием Бориса Годунова. Следовательно, притча играет важную роль и в создании негативного образа Бориса Годунова во «Временнике».

В главе пятой, посвященной царствованию Василия Шуйского, Тимофеев приводит «в доказательство необходимости писания “Временника”» [4, с. 365 (примеч. 1)] *притчу о простых естественных делах* (по О.А. Державиной — притчу о спутниках, встречающихся в пути).

Необычен контекст введения притчи. Писатель раскрывает причины, побудившие взяться за перо (см. подробнее: [14, с. 351–369]. «Сповідати» о страшном наказании Русской земли повелел ему новгородский митрополит Исидор, принимавший активное участие в политических событиях Смутного времени: «...тогда бо един от дни ото освятованного во святилище самая божия премудрости слова, в час богоспасения о мире возношения жертвы, святительнаго Исидора слово, яко от божиих уст, изыде ми того повеление <...>. Изрече бо ми, преклонся уединене и малогласне, святодействию си десницею осенив мя перстообразно, и ко еже писаньми начати принуди иже богонаказательных в Рустей земли вещей, <...> поне малу часть некую от них споведати, елика имут писателеви взыти на память, яже видена и яже слышана быша zde...» [3, с. 149]. Тимофеев рисует драматургическую сцену, позволяющую детально представить, в какой обстановке было дано повеление, какова была расстановка действующих лиц, какими действиями сопровождалось понуждение и, наконец, какими эмоциями сопровождался диалог. Митрополит Исидор величественно тверд и непреклонен в побуждении: «...начати принуди <...> он же о сих на мнозе моего отрицания глаголом быти не попусти, аще и ненаучение мое о сих лицу его предлагах, но рече ми...» [3, с. 149]. В соответствии со средневековой традицией, он самоуничижительно отказывается, сомневаясь в своих способностях: «...особне же ми от всех за моего недовольство смысла. <...> не убо своей немощи и безсилию притворно надеяся» [3, с. 149–150]. Вынужденно приняв благословение на роль историка, на протяжении всего текста Тимофеев

не устает напоминать читателю о несовершенстве создаваемого им труда: называет свое писание «убозей сей хартицей» [3, с. 13], в которой невозможно отразить страдания людей и беды Русской земли эпохи Смуты.

Другой, не менее важной причиной, заставившей Тимофеева взяться за перо, явилось внутреннее побуждение. Пытаясь осмыслить разорение двух дорогих его сердцу городов — Великого Новгорода и Москвы, испытывая чувство горечи и неотвязное желание понять причины «изгубления» Русской земли, Тимофеев оказывается в состоянии, близком к безумию: «...ходя бо, яко изступив умом...» [3, с. 115]. Мысль, изначально «во уме» слагаемая, персонифицируется в самостоятельный образ². Предваряя ее появление, автор поясняет: это не следствие расстройтва ума, это — результат горестных чувств и желания понять происходящее («огорчихся <...> жжалихся, пребывая в себе, помышляя» [3, с. 115]). Мысль предстает в памятнике художественным олицетворением внутреннего состояния души писателя, своеобразным двойником, открывающим читателю психологию творчества, процесса рождения произведения.

Необычен и способ воплощения мысли. Часто приходившая и волновавшая автора мысль «облакоподобная по всему и скоролетящая высокопарне, яко по воздуху птица, <...> собираему в естества его клетце, <...> яко перстом тыкаше в моя ребра» [3, с. 115]. Она не дает ни часа покоя, «поущая» «написати богоназания днешняя» [3, с. 115]. Автор многократно вступает в диалог с мыслью, убеждая ее, впрочем, как и митрополита Исидора, в том, что, в силу своего невежества, «ума <...> мелину» [3, с. 115–116], целого ряда объективных причин (засилия неправославных, подозрения иноверных и др.) он не в состоянии исполнить трудную работу описания трагических событий. Но, как и Исидор, мысль «отрецианию <...> не внимаша» [3, с. 116]. Она преследует автора, не находящего в себе сил и способностей; в бессилии пред напором мысли он выдвигает последний аргумент — отсутствие помощников — и слышит в ответ *притчу о простых естественных делах*:

² Идея понуждения к творчеству мыслью не является новой, она обнаруживается уже в ранних памятниках древнерусской литературы. Например, игумен Даниил, описывая свое хождение в Святую землю, в начале повествования отмечает: «...понужен мыслию своею...». См.: [1, с. 26].

Но и еще ми она ими же родительных деяний простых притчу к сим судив сположи, глаголя: егда кто потребу какову имать, хотя дойти во град некий, ли от себя на ину страну, — спутники себе взыскует, еще же и путь показующих ему требует, аще не добре знает и да не разтерзан будет, по нему грядый, разбойники ли зверьми, ниже, совратився, правую стезю погубит; и егда таковыя обрящет, с ними путь гонит; аще ли ни, то прилучшихся жителей при оном пути или сретающих испрошает, ко еже бы здраво и несовратно по малу уреченного дойти ему места, и един по испрашании нудится сокрывати путь, не отлагая, да не изгубит своего орудия в пождании времени, ниже дождем и сланам и прочему в пути нестроению внимает, но вся небрежет, едино токмо еще ино мало утешение в мысли приемлет: еда на пути, ли от стран, з десна ли с шую готовы споследователя си обрящет он, ли сошедшея его; аще неслучением и таковых обрести улишитя, путем уединен, прочее поприще до наречения места, не отлагая, да трет нога его, ничто же сомняся, о бозе уповав, показующу ему путь и безбедно добре направляющу невестественному тайно егову руководителю и хранителю святому ангелу [3, с. 116–117].

Сюжетная часть притчи напоминает инструкцию, как должен поступать человек, желающий совершить путешествие в какой-нибудь город или в другую страну. Необходимо найти спутников, которые показали бы дорогу, и совершить с ними путь. Если же он не найдет таких, то расспросить встреченных по дороге жителей о верном пути и, «не отлагая», идти в одиночестве, не обращая внимания на природные явления (дожди, морозы), препятствия, возникающие на пути, находя в мыслях утешение найти по дороге случайных попутчиков или спутников. Если и их не удастся найти, то все равно, «не отлагая» и «ничто же сомняся», пройти оставшийся путь до назначенного места, уповая на Бога и святого ангела, указующего безопасный путь.

Притчу завершает лаконичное толкование: «Сие прикладно сему и наше судится пути уединение еже к словесем составлению, иже о спутнице неполучение» [3, с. 117], — свидетельствующее о том, что притча-инструкция о совершении незнакомого и трудного пути в какой-либо город или в другую страну приложима, по мысли Тимофеева, и к творческому процессу написания исторического сочинения.

И в этом смысле притчи, рассыпанные во многих фрагментах памятника, приведенные полностью или лишь указанные, являются своеобразными спутниками, помогающими не только создать обширное историческое произведение, но и осмыслить необычные события Смуты.

Преодолев внутренние сомнения, писать или не писать, Тимофеев возвращается к идее необходимости запечатлеть «богонаказательные» события во имя современников и потомков. Таким образом, во «Временнике», благодаря в том числе и жанровой форме притчи, подробно, порой неожиданно и даже парадоксально, показаны «первичные творческие импульсы» [2, с. 49], заставляющие начать писать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 БЛДР. СПб.: Наука, 2004. Т. 4: XII век. 685 с.
- 2 *Богданов В.А.* Творческая природа художественного образа. М.: Изд-во «Прометей» МГПИ им. В.И. Ленина, 1989. 150 с.
- 3 *Временник Ивана Тимофеева* / подгот. к печати, пер. и коммент. О.А. Державиной / под ред. члена-корреспондента АН СССР В.П. Адриановой-Перетц. Репринтное воспроизведение издания 1951 года. СПб.: Наука, 2004. 509 с.
- 4 *Державина О.А.* Дьяк Иван Тимофеев и его «Временник» // *Временник Ивана Тимофеева* / подгот. к печати, пер. и коммент. О.А. Державиной / под ред. члена-корреспондента АН СССР В.П. Адриановой-Перетц. Репринтное воспроизведение издания 1951 года. СПб.: Наука, 2004. С. 351–409.
- 5 *Добротворский С.* Притча в древнерусской духовной письменности // *Православный собеседник*. Казань, 1864. № 3. С. 375–415.
- 6 *Древнерусская притча* / сост. Н.И. Прокофьев, Л.И. Алехина; подгот. текста и коммент. Л.И. Алехиной; предисл. Н.И. Прокофьева. М.: Сов. Россия, 1991. 528 с.
- 7 *Колесов В.В.* Афористика Древней Руси // *Мудрое слово Древней Руси (XI–XVII веков)* / сост., вступ. ст., подгот. текстов, пер. и коммент. В.В. Колесова. М.: Сов. Россия, 1989. С. 5–22.
- 8 *Кусков В.В.* Жанры и стили древнерусской литературы XI–XVII веков: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1978. 36 с.
- 9 *Лихачев Д.С.* Славянские литературы как система // *Славянские литературы*. VI Международный съезд славистов (Прага, август 1968). Доклады советской делегации. М.: Наука, 1968. С. 5–48.
- 10 *Прокофьев Н.И.* Древнерусские притчи и их место в жанровой системе литературы русского средневековья // *Литература Древней Руси*. М.: МГПИ, 1988. С. 3–16.
- 11 *Ромодановская Е.К.* Древнерусская притча: самоопределение жанра // *Круги времен: В память Елены Константиновны Ромодановской*. М.: Индрик, 2015. Т. 1: Е.К. Ромодановская. Избранное. Отклики. 872 с., ил.

- 12 Ромодановская Е.К. От цитаты к сюжету. Роль повести-притчи в становлении новой русской литературы // Проблемы исторической поэтики. 1994. Вып. 3. С. 66–75.
- 13 Ромодановская Е.К. Специфика жанра притчи в древнерусской литературе // Проблемы исторической поэтики. 1998. Вып. 5. С. 73–111.
- 14 Туфанова О.А. Концепция исторического повествования во «Временнике» Ивана Тимофеева // Древняя Русь: Пространство книжного слова. Историко-филологические исследования / отв. ред. В.М. Кириллин. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 351–369.

REFERENCES

- 1 *Biblioteka literatury Drevnei Rusi [Library of the Literature of Old Russia]*. Vol. 4: XII vek (12th century). St. Petersburg, Nauka Publ., 2004. 685 p. (In Russian)
- 2 Bogdanov, V.A. *Tvorcheskaia priroda khudozhestvennogo obraza [The Creative Nature of the Artistic Image]*. Moscow, Izdatel'stvo "Prometei" MGPI im. V.I. Lenina Publ., 1989. 150 p. (In Russian)
- 3 *Vremennik Ivana Timofeeva [The Temporary by Ivan Timofeev]*, prepared to print, trans. and comments. by O.A. Derzhavina, ed. Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences V.P. Adrianova-Peretz. Reprinted reproduction of the 1951 edition. St. Petersburg, Nauka Publ., 2004. 509 p. (In Russian)
- 4 Derzhavina, O.A. "D'iak Ivan Timofeev i ego 'Vremennik.'" ["Clerk Ivan Timofeev and his "Temporary."]. *Vremennik Ivana Timofeeva [The Temporary by Ivan Timofeev]*, prepared to print, trans. and comments. by O.A. Derzhavina, ed. Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences V.P. Adrianova-Peretz. Reprinted reproduction of the 1951 edition. St. Petersburg, Nauka Publ., 2004, pp. 351–409. (In Russian)
- 5 Dobrotvorskii, S. "Pritcha v drevnerusskoi dukhovnoi pis'mennosti" ["A Parable in Old Russian Spiritual Writing"]. *Pravoslavnyi sobesednik [Orthodox Interlocutor]*, no. 3. Kazan', 1864, pp. 375–415. (In Russian)
- 6 *Drevnerusskaia pritcha [Old Russian Parable]*, comp. N.I. Prokofiev, L.I. Alekhine; prepare text and comments. by L.I. Alekhina; foreword N.I. Prokofiev. Moscow, Sovetskaia Rossiia Publ., 1991. 528 p. (In Russian)
- 7 Kolesov, V.V. "Aforistika Drevnei Rusi" ["Aphoristics of Old Russia"]. *Mudroe slovo Drevnei Rusi (XI–XVII vekov) [Wise Word of Old Russia (11–17 centuries)]*, comp., introd., prepare texts, trans. and comments. V.V. Kolesov. Moscow, Sovetskaia Rossiia Publ., 1989, pp. 5–22. (In Russian)
- 8 Kuskov, V.V. *Zhanry i stili drevnerusskoi literatury XI–XVII vekov: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk [Genres and Styles of Old Russian Literature of the 11th–17th Centuries: PhD thesis, summary]*. Leningrad, 1978. 36 p. (In Russian)
- 9 Likhachev, D.S. "Slavianskie literatury kak sistema" ["Slavic Literature as a System"]. *Slavianskie literatury. VI Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov (Praga, avgust 1968). Doklady sovetskoi delegatsii [Slavic Literature. VI International Congress of Slavists (Prague, August 1968). Reports of the Soviet delegation]*. Moscow, Nauka Publ., 1968, pp. 5–48. (In Russian)

- 10 Prokof'ev, N.I. "Drevnerusskie pritchi i ikh mesto v zhanrovoy sisteme literatury russkogo srednevekov'ia" ["Old Russian Parables and Their Place in the Genre System of the Literature of the Russian Middle Ages"]. *Literatura Drevnei Rusi [Literature of Old Russia]*. Moscow, MGPI Publ., 1988, pp. 3–16. (In Russian)
- 11 Romodanovskaya, E.K. "Drevnerusskaia pritcha: samoopredelenie zhanra" ["Old Russian Parable: Self-determination of the Genre"]. *Krugi vremen: V pamiat' Eleny Konstantinovny Romodanovskoi [Circles of Times: In Memory of Elena Konstantinovna Romodanovskaya]*. Vol. 1: E.K. Romodanovskaia. Izbrannoe. Otkliki [E.K. Romodanovskaya. Favorites. Feedback]. Moscow, Indrik Publ., 2015. 872 p., ill. (In Russian)
- 12 Romodanovskaya, E.K. "Ot tsitaty k suzhetu. Rol' povesti-pritchi v stanovlenii novoi russkoi literatury" ["From Quote to Plot. The Role of the Story-parable in the Formation of New Russian Literature"]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, issue 3, 1994, pp. 66–75. (In Russian)
- 13 Romodanovskaya, E.K. "Spetsifika zhanra pritchi v drevnerusskoi literature" ["Specificity of the Genre of Parables in Old Russian Literature"]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, issue 5, 1998, pp. 73–111. (In Russian)
- 14 Tufanova, O.A. "Kontseptsiia istoricheskogo povestvovaniia vo 'Vremennike' Ivana Timofeeva" ["The Concept of Historical Narration in 'The Temporary' by Ivan Timofeev"]. *Drevniaia Rus': Prostranstvo knizhnogo slova. Istoriko-filologicheskie issledovaniia [Old Russia: Space of the Book Word. Historical and Philological Research]*, ex. ed. V.M. Kirillin. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2015, pp. 351–369. (In Russian)

Информация об авторе: Ольга Александровна Туфанова — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2254-7969>

E-mail: tufoa@mail.ru

Information about the author: Olga A. Tufanova, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2254-7969>

E-mail: tufoa@mail.ru

Для цитирования: Туфанова О.А. Притчи во «Временнике» Ивана Тимофеева: типология и художественная специфика // Герменевтика

древнерусской литературы. Сборник 20 / Ин-т мировой литературы РАН; гл. ред. О.А. Туфанова. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 292–313. <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2021-20-292-313>

© 2021, О.А. Туфанова

For citation: Tufanova, O.A. “The Parables in Ivan Timofeev’s ‘Temporary’: Typology and Artistic Specific.” *Germenevtika drevnerusskoi literatury* [*Hermeneutics of Old Russian Literature*]. Issue 20. Ed.-in-chief O.A. Tufanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2021, pp. 292–313. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2021-20-292-313>

© 2021, Olga A. Tufanova